

Архангельская Валентина Ильинична,
Брянская обл., Севский район, д. Стрелецкая слобода

ДОЛЮШКА ЖЕНСКАЯ...

Кем были дед, прадед, бабушка, прабабушка? Где родились, что любили, а чего не терпели? Как работали? Многие ли из вас могут ответить на эти вопросы. Думаю, не в каждой семье знают своё генеалогическое древо. Может быть, поэтому и считают нас, русских сейчас Иванами – не помнящими родства?

Я хочу рассказать о своей бабушке, простой крестьянке, которой сейчас нет в живых, но она по-прежнему жива для своих внуков и правнуков. И память в их семьях о ней священна.

Нелёгкой сложилась жизнь у моей бабушки, бабушки Марины – Машеньки Фетисовой (окрестили её Мариной при рождении, а при жизни все звали Марией, с таким именем и умерла). Жила она в Марицком хуторе, родилась в многодетной семье, у Марины было восемь сестёр и брат. Она была третьей в семье, и ей приходилось помогать матери нянчить младших сестёр и брата. Учиться пошла в сельскую церковно-приходскую школу, знания показывала отличные. Сдавала экзамены за школу ещё при царе Николае. Получила свидетельство и похвальный лист. Революцию встретила в 13 лет.

Очень хотелось учиться дальше. Но в 14 лет она и многочисленная семья осиротели – в 48-летнем возрасте умерла их мама. И как ни уговаривал сельский священник отца дать возможность Марине учиться дальше, тот ответил кратко: «Грамотная, хватит...» Ей пришлось всю тяжесть материнских забот взвалить на свои хрупкие детские плечи. А в 16 лет отец отдал её замуж в другое село, Голышино, не спрашивая на то её согласия. До свадьбы ни разу она не видела своего нареченного. Матвей Бирюков, за кого её выдали, был из многодетной семьи. Здесь ей тоже досталась трудиться немало. Матвей старался помочь ей во всем. Жили с ним дружно, 8 детей родила, двое малышей умерли. Сколько было бессонных ночей, хлопот с каждым из детей - не счесть. Марина пряла, ткала, вязала, вышивала - этому ещё с детства обучила её и её сестёр мать. И все привитые матерью навыки помогали ей поднимать ребятишек, держала хозяйство, скот. Не жаловалась на судьбу.

Но неожиданно семейное счастье рухнуло в один миг. Началась война, внезапно, шквалом накатилась. Её Матвеюшка 12 июля 1941 года ушёл на фронт, и с тех пор от него не было никакой весточки. Воевать ему довелось на Курской дуге, пропал где-то без вести на поле брани. Она осталась с детьми одна. О своей жизни рассказывать особо не любила, но война отчётливо врезалась в память, долгие бессонные ночи, зарево пожаров, тревога за детей и их жизнь не давали ни минуты спокойствия. Об этих трудных мучительных годах она впоследствии будет рассказывать своим внукам.

- Пришёл немец. В 1942 году на Вознесение сожгли деревню, а всех жителей погнали в село Асовица. Один из жителей знал мадьярский язык и выспросил у солдата, какая участь ожидает их. Оказалось, что нас намерены в соседнем селе уничтожить вместе с теми жителями. Сколько было крику, плачу, все упрямылись, не хотели идти в сарай, куда нас стали загонять...

Марина, окружённая своими ребяташками, из-за слёз ничего не видела, сердце сжималось от нестерпимой боли, что погибнут её дети. Жителей били прикладами, вталкивая в двери сарая, а они умоляли, чтобы их лучше расстреляли, но не сжигали живьём.

На их счастье, наверное, приехал в этот миг какой-то начальник. Один мадьяр, жалевший людей, сам вытирал слёзы. Он-то и подсказал им просить этого начальника о помиловании. И видно, у того начальника не совсем ещё ожесточённое сердце было, что их отпустили, не стали сжигать. Марина долго не могла поверить такому чуду. Она несла грудную Лиду, крепко прижимая её к сердцу, оторвалась галоша, но нельзя было поднять, так и шла босой ногой по снегу. Всё боялась смерти, ожидая: вдруг раздумают и станут убивать. Боялась отстать от колонны людей - отстающих пристреливали. Расстреляли уже старуху и мужчину с больной ногой. Было страшно смотреть на это. И она трепетала от мысли, что вот пристрелят её и детишек. Они шли рядом, напуганные, голодные, но тоже боялись хоть слово вымолвить, держались из всех силёнок за материнский подол.

Когда отпустили, в горящее село вернуться не разрешили. Некоторые нашли приют в Асовице у родственников. Она же решила с детьми вернуться на пепелище. Её несколько раз обыскивали, даже ребёнка разворачивали на морозе, проверяли, что несёт.

- Пришли в горящее село, а по нас обстрел, дома горят, кругом дым, пламя. Горло першило от чада, - рассказывала она своим притихшим внукам, вытирая набегавшие на глаза слёзы. – Перебрались в подвал, ночевали. А утром встали – всё начисто сгорело, одни трубы, да коптящие дымом головешки от большого села. Одна Титкова хата осталась, да пять помещений колхозных. А жить то надо где-то, как-то, сердце болело очень, что потеряю детей...

Жизнь требовала своё. Детей надо было кормить, поить, где-то обустроить. Кое-как до весны дотянули, а затем копали лопатами огороды, посеяли картошку, извечную крестьянскую кормилицу. Шли в ход лебеда, травы разные. Достали пропуск в Марицкий хутор – за продуктами ходить. Под зиму землю посеяли, загоны поделили. Жили до Николы в Гольшино, а потом решила перебраться в Марицкий хутор. У неё уже была своя лошадка, да свояк Тихон дал лошадь и сынишку прислал в помощь. Но в Новоямске их задержали, не разрешили уезжать.

- Один эвакуированный посоветовал уехать рано утром, чтоб не остановили, короче говоря – сбежать. И всё же задержали их в Стрелецкой слободе. К счастью, знакомый полицай Захаров приказал отпустить нас. С горем пополам добрались до Марицкого хутора, там стали жить у деда, а летом поехали жать свои загоны в Гольшино, выпросили для этого пропуск. Но и здесь ждали неприятности. Жителей из Гольшино приказали эвакуировать, лошадей отняли. Я умоляла, чтобы пропустили, еле добилась пропуска на обратную дорогу. Очень тревожилась об оставшихся дома детишках. Да и за тех, что со мной были. Очень переживала, что можем погибнуть. Шли пешком. На поле подобрала нас немецкая подвода. Немец

подвёз до Новоямского моста, а через него переправлялись немецкие части, и нас опять не пропускали. Местные жители указали брод, и мы пошли через речку. У Павлика подмок хлеб, что разжились мы в селе. Идти потом пришлось по стерне, было колко, дети плакали. Думала, не хватит сил добраться до села. Но встретили знакомого, Никиту, он подвёз меня и детей до Марицкого хутора...

Старшему – Алёше – шёл 17-й годок, он ушёл к партизанам, был там до февраля 1943 года. потом его свалил тиф. Сколько слёз выплакала, сердце заходило от мысли, что не выдержит парнишка. Но, Бог дал, поднялся он на ноги, а в марте 1943 года ушёл в действующую Армию, мстить за погибшего отца, за свою поруганную, израненную землю. Так и не знала до конца ничего о нём, где он и как, жив или тоже голову сложил.

Когда закончились в районе бои, пошли опять в Голышино, уцелевшую хатку Титкову заняли, в ней была конюшня немецкая. Очистили загаженную навозом хатку, заложили окна соломой, по ночам мучили одичавшие голодные кошки. Но вскоре вернулись хозяева, и ей пришлось жить 6 лет в землянке. Стали потихоньку строиться. Так и тянулись дни за днями. Дом-колхоз- хозяйство и заботы, заботы, заботы...

Лишь в 1949 году встретилась с Алёшей, которого не видела с военной поры: то воевал, то в Армии дослуживал. Приехал сынок, не находила себе места от радости. Только он и трёх недель дома не побыл. Поэтому каждую свободную минутку старалась побыть рядом с ним. Долгие ночи казались такими короткими, когда глядела она на ненаглядного старшенького, не веря своему счастью, что он стал такой большой, видный. Слушала рассказы о пройденных им трудных дорогах войны. Узнала, что воевал её сынок честно, в кустах не прятался, дважды был ранен, провоевал до конца войны, что Победу встретил в Берлине, что наградили его орденами «Отечественной войны» и «Красной Звезды», медалями «За отвагу», и другими. Гордилась им, а из глаз бежали слёзы, что не дожил до такого дня её Матвеюшка, которому она осталась верной до конца своей жизни. Уехал сын дослуживать в Армию, а она опять осталась со своими заботами-хлопотами, за которыми незаметной чередой мчались месяцы, годы.

Как и все русские люди в ней жила глубокая вера в Бога, надежда на Его помощь. Именно благодаря Вере, которая помогала ей быть терпеливой, давала силы, спасала от отчаяния в трудные минуты, она смогла выстоять и выжить в лихие годы войны. Никогда она не поучала на словах, а просто своим жизненным примером показывала, как надо жить.

Алексей Матвеевич Бирюков, её старший сын, так говорил о матери: « Эта была одна из самых добрых женщин всего села, которая всю жизнь жила в труде, нищете, но все её уважали за честность, справедливость, порядочность, доброту...

Мне кажется, слова любимого ею поэта Н.Некрасова

В полном разгаре страда деревенская...
Доля ты! – русская долюшка женская!

Вряд ли труднее сыскать.
Не мудрено, что ты вянешь до времени,
Всевыносящего русского племени
Многострадальная мать! –

в полной мере относятся к таким людям, как простая крестьянка земли Севской Мария Егоровна Бирюкова и подобные ей. Хотя её нет уже давно в живых, в душах своих внуков, правнуков она всегда останется живой. Так велики к ней уважение и любовь их. Каждый человек должен в жизни оставить свой след на земле: посадить дерево, построить дом, оставить свои корни на земле. И Мария Егоровна с этим справилась. Её жизнь продолжается во внуках, правнуках.

Нет, не можем мы себя причислить к Иванам – не помнящим родства. И я низко склоняюсь перед такими людьми, как эта простая русская женщина, как другие, подобные ей. На них – то и держится земля Российская, многострадальная.